

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-93-114

Посвящается памяти Александра Самуиловича Крюкова (1940–2020)

Н. А. Тархова¹

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА О ПЕРВОМ АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ «ГОРЯ ОТ УМА» (1857)²

Статья посвящена откликам английской печати на издание в Великобритании первого перевода комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» на английский язык, сделанного Н. Д. Бенардаки в 1857 г. (Лондон). Отзывы, появившиеся в шотландском журнале «McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal and Literary Review» и в лондонской газете «The Literary Gazette, and Journal of Archeology, Science, and Art», до сих пор оставались неизвестными в России. В обоих случаях британских читателей знакомят с содержанием русской пьесы, с ее героями, рассказывают о жизни и творчестве ее автора. При этом каждая публикация обладает особенностями, отражающими не только личные пристрастия ее автора, но и некие общие представления о России середины XIX в., бытовавшие в Великобритании. В первой статье сделана попытка, опираясь на текст комедии, нарисовать общую картину жизненного устройства и нравственного климата современной им России как «не вполне цивилизованной» страны, с точки зрения англичан. Автор другой тенденциозно освещает жизнь Грибоедова, обнаруживая неприязнь к нему как к дипломату, деятельность которого в Персии была успешно направлена против британского влияния в этой стране.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, Н. Д. Бенардаки, «Горе от ума», комедия, перевод, английский язык, Великобритания, рецепция

N. A. Tarkhova

BRITISH PRESS ON THE FIRST ENGLISH TRANSLATION OF "WOE FROM WIT" (1857)

The article is devoted to the responses of the English press to the publication of the first translation of A. S. Griboyedov's comedy "Woe from Wit" into English, made by N. D. Benardaki in 1857 (London). Reviews that appeared in the Scottish magazine "McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal and Literary Review" and in the London newspaper "The Literary Gazette, and Journal of Archeology, Science, and Art", and the names of their authors have remained unknown in Russia so far. In both issues, British readers are introduced to the content of the Russian play and with its characters, both publications tell about the life and work of its author. At the same time, each publication has features that reflect not only the personal preferences of its author, but also some general ideas about Russia in the middle of the XIX century that existed in Great Britain. The first article, relying on the text of the comedy, made an attempt to draw a general picture of the life structure and moral climate of modern Russia as a "not quite civilized" country, from the point of view of the British. The author of another one tendentially covers the life of Griboyedov, revealing dislike for him as a diplomat whose activities in Persia were successfully directed against British influence in this country.

Keywords: A. S. Griboyedov, N. D. Benardaki, "Woe from Wit", comedy, translation, English, Great Britain, reception

¹ Надежда Александровна Тархова, литературовед, независимый исследователь.

² В качестве Приложения 1 и 2 напечатан текст обеих английских статей в переводе Б. С. Колесника

20 октября 1857 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 228) в разделе «Фельетон. Петербургская летопись» была напечатана статья, из которой читатели узнали, что в Англии издана комедия «Горе от ума», и ее перевод на английский язык осуществил студент Петербургского университета Николай Дмитриевич Бенардаки. Сведения об этом издании журналист «Санкт-Петербургских ведомостей» почерпнул из ненароком дошедшего до российской столицы «Эдинбургского церковного журнала» (сентябрь 1857 г.). Ссылаясь на напечатанную там статью, автор фельетона коротко обозначил ее содержание, основное внимание уделив качеству перевода. Работу молодого переводчика он оценил высоко.

Почти одновременно с уже упомянутым отзывом в «Эдинбургском церковном журнале» [McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal] в октябре 1857 г. появился еще один отзыв в английской печати – в «Литературной газете» в Лондоне [The Literary Gazette]. Каждый из них имеет свои особенности, имена авторов обеих статей неизвестны.

Англоязычным переводам «Горя от ума» посвящено несколько исследований: Н. К. Пиксанов [Пиксанов, 1987, с. 388–386], Н. Л. Шадрин [Шадрин, 1987], Н. П. Воронова [Воронова, 2005], Е. В. Аблогина, Н. Е. Разумова [Аблогина, 2010], но этот перевод стал предметом только одной, далеко не исчерпывающей всех аспектов статьи [Якунина, https://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/4788/Yakunina_MA_2018.pdf], хотя именно с него началась англоязычная рецепция Грибоедова.

Отблеск необычной издательской судьбы комедии Грибоедова лежит и на английском ее переводе. Он был создан и издан за два года до появления в России первого полного ее издания, но соответствует авторскому тексту комедии, т.е. определенно был сделан с рукописной копии, восходящей либо к Жандровскому, либо к Булгаринскому ее списку. Невольно вспоминается, что и первые немецкие переводы, сделанные в 1831 г. почти одновременно К. фон Кноррингом (поэтический) и Л. Шнайдером (прозаический), также осуществлены со списков, потому что первое русское издание комедии появилось, как известно, только в 1833 г. [Шадрин, 1977].

До 1857 г. было опубликовано шесть переводов «Горя от ума» на немецкий, польский и грузинский языки. В 1857 г. появилось еще три: два на польский язык и один тот, о котором мы будем говорить [Аблогина, 2010], но установить порядок выхода их в свет затруднительно. Английский перевод был осуществлен Н. Д. Бенардаки (1838–1909) в 1857 г., когда он учился в Петербургском университете. Перевод из Грибоедова остался единственным известным его трудом; литературные интересы, так рано проявившиеся в нем, к сожалению, не получили развития, хотя есть сведения, что он был автором пьес и стихов на музыку к романсам (тексты эти, однако, неизвестны). Кроме того, в 1858 г. он вместе с Ю. М. Богушевичем издал в Петербурге «Указатель статей серьезного содержания, помещенных в русских журналах прежних лет».

Автор статьи о переводе Бенардаки в эдинбургском журнале явно мало знаком с русской литературой. Комедия Грибоедова стала для него поводом написать о России и ее литературе, в достоинства которой и в возможность влияния которой на формирование национального самосознания русских, в противоположность литературам развитых стран Европы, прежде всего Англии, Германии и Франции, он не верит. Он много раз подчеркивает первостепенную роль гениальных поэтов этих стран, поэтически выразивших национальную идею, отражавшую самосознание нации, что в дальнейшем, по его мнению, давало импульс законодателям разрабатывать систему законов, опирающуюся на психологические, моральные и религиозные представления народа.

Однако он считает, что Россия лишена как выраженных национальных особенностей, так и литературных гениев, которые способны осмыслить и сформулировать их. По его представлению, эта огромная полуварварская страна, населенная народами, обретающимися в покорности и страхе, далека от цивилизации европейских стран, а ее полудикое население не имеет национального сознания. Хотя правителям, начиная с Петра I, автор отдает должное в их попытках цивилизаторской деятельности, якобы готовившей народ в будущем к жизни более обеспеченной, свободной и культурной.

Россия и Соединенные Штаты Северной Америки служат ему примерами стран, литература которых не дает возможности постигнуть «устоявшееся, четкое и возвышенное национальное самосознание». Причину такого положения автор статьи видит в отсутствии в этих странах гениальных поэтов, способных к выполнению столь сложной миссии. И если в случае с американцами он связывает возможность будущего прогресса с именами Лонгфелло в поэзии и Эмерсона в науке, то в современной России он не видит великих поэтов, которым эта задача по плечу в настоящем, и только выражает надежду на далекое будущее. При этом категорическом утверждении автор статьи вовсе не отрицает того, что в России много талантливых писателей, но настаивает на подражательности русской литературы и в качестве преобладающей черты их творчества называет «подражание английскому, французскому или германскому стилю» [McPhail's *Edinburgh Ecclesiastical Journal*, p. 89, 90]. В то же время он отмечает, что многие русские авторы одарены замечательной оригинальностью. Автор «Горя от ума» среди них «не из последних».

Представляя читателям пьесу Грибоедова, характеризуя ее героев и содержание, автор статьи опирается на вступление, которое предпослал своему переводу Бенардаки, назвавший «Горе от ума» произведением «растущего таланта, <...> воплотившего великолепное литературное дарование и, одновременно, творческую дерзость автора, впервые посмеявшего приподнять вуаль, скрывавшую недостатки его современников. Велик был гнев, им вызванный, но автор не свернул с дороги, им проторенной; он бичевал твердо и безжалостно основы громадного здания предрассудков, скопившихся веками» [McPhail's *Edinburgh Ecclesiastical Journal*, p. 92].

В характере Грибоедова, по словам переводчика, больше от Ювенала, чем от Мольера. Стиль его произведения резок и краток, а художественная выразительность скорее тяготеет к едкой сатире, чем к умной комедии: «Автор четко видит существующие пороки своих современников; он высмеивает их невежество и распутство, и, как настоящий в душе патриот, он негодует по поводу холопского подражания иностранцам, что отличало его эпоху. Грибоедов – настоящий карикатурист. Буквально нескольких слов, одного предложения достаточно, чтобы нарисовать характер каждого персонажа пьесы» [McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal, p. 92]. Вслед за этими словами переводчик комедии представляет галерею ее героев, выделяя в каждом наиболее характерные для того качества: Фамусов – надменный барин и одновременно холоп перед сильными мира сего; Скалозуб – ограниченный и тупой вояка; Молчалин – человек ничтожный, угодливый и подлый; Загорецкий – жуликоватый и лживый в своем проворстве и услужливости; Софья – девушка, воспитанная французской гувернанткой и французскими романами, и так далее.

Герой же комедии, окруженный этой пустой и завистливой толпой, тщетно пытается бороться с мощным засильем ее предубеждений. Большинство против него, и Чацкий битву проигрывает. В этом причина его неудачи и происхождение оригинального названия комедии. Чацкий терпит неудачу, потому что он дальновиднее своих современников. Он пытается указать им на их пороки и ошибки, а его обзывают якобинцем и объявляют сумасшедшим. Он единственное положительное лицо в этой пьесе, но он слишком идеален, и его идеализм проявляется в словах, а не в поступках. Он в большей мере является воплощением идеи, а не живым человеком. И всё же личность его вызывает симпатию, так как он на протяжении действия энергично и по-мужски выступает против дозволенной лжи, безнравственности и других пороков окружающего его общества. Обличительные монологи Чацкого – это сильные, прямые и мужественные высказывания человека, уверенного в себе [McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal, p. 92–93].

Но хотя замысел пьесы и характеры героев раскрыты для английского читателя со слов переводчика, общий вывод о содержании и значении комедии рецензент делает самостоятельно и в духе прежних своих рассуждений: «Фактически, “Горе от ума” является сатирой на русскую жизнь и русское общество, донесенной до нас в духе французского понимания... Он <Грибоедов> предпочел увидеть повседневную жизнь России в ее главных чертах, в рамках сюжетной истории, осмысленной в духе французского XVIII столетия. В конце концов, пьеса демонстрирует преклонение московского высшего общества перед всем французским: оно не только переделось во французское платье, но и переняло фривольность французских нравов». Рецензент ссылается при этом на отношения Софьи и Молчалина и на заигрывания с Лизой Фамусова и Молчалина. Критике французского развращенного XVIII века уделено значительное место в его статье [McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal, p. 93, 96].

Чтобы дать возможность английскому читателю самому судить о содержании пьесы и качестве перевода, который автор оценивает очень высоко, в статье приведены два фрагмента: две сцены первого акта, открывающие действие, и две последние сцены четвертого акта, завершающие его [McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal, p. 94–95].

Перевод Бенардаки оценен в статье очень высоко, он действительно точен (за очень небольшими исключениями). И мы согласны с его оценкой, хотя понимаем, что судить о языке оригинала автор статьи не мог. Другое дело, что прозаический перевод стихотворного текста комедии, сложнейшего и по своей поэтической структуре, и по идиоматичности языка, для русского уха звучит здесь не просто непривычно, а кажется невозможно бедным.

В результате знакомства с текстом комедии и предисловием переводчика автор статьи делает в заключении широкий вывод о развитии России в настоящем и дает прогнозы на ее будущее, которые напрямую не вытекают из содержания комедии «Горе от ума»: «Похоже, что из прочитанного и уясненного нами следует, что Российская империя управляется, опираясь на сильные импульсивные симпатии русского народа к своему правителю. И дело тут не в законах, правах, обязанностях или морали, с помощью которых император внушает необходимость послушания своему населению. Сознание российских крестьян, число которых составляет почти 45 млн. душ, не достигло того уровня мысли, который необходим для понимания моральных законов в их абстрактной высшей форме, и вполне вероятно, что потребуются несколько столетий, чтобы оно сравнялось с европейским сознанием. Когда же это случится, российский народ не останется покорным императору. Он отринет старые законы, а сотворит другие, которые будут жестче для правительства и весомее (полезнее) для будущего развития страны» [McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal, p. 99, 100].

Несмотря на некоторую занудность и непоследовательность изложения, восприятие содержания русской комедии, настойчивое указание на ее французские корни, плоскость ее анализа и выводы английского критика-клерикала представляют интерес вследствие обращения к мало ему знакомой России, ее строю, населению, нравам, традициям, будущему и тем отличаются от привычного нам российского подхода к тексту комедии.

Вторым откликом на издание «Горя от ума» в Англии стала статья в лондонской «Литературной газете» от 17 октября 1857 г. Это статья совсем иного плана, она лишена историко-философских рассуждений и экскурсов в прошлое разных стран и обнаруживает некоторое знакомство с русской литературой (хотя с большой вероятностью можно предположить, что знание русских имен и изданий автор почерпнул из предисловия Ф. В. Булгарина к изданию «Горя от ума» 1854 г.). Статья состоит из двух частей. Первая представляет собой историко-литературную справку о жизни и творчестве Грибоедова, вторая посвящена собственно комедии и переводу ее на английский язык.

Биографическая часть дает английскому читателю некое общее представление о жизни писателя и его трагической гибели. В то же время кое-какие неожиданные черты в рассказе о Грибоедове заставляют заподозрить автора в желании несколько скорректировать представление о нем в духе антироссийских представлений, естественных для англичан на следующий год после окончания войны 1853–1856 гг., в которой Англия принимала непосредственное участие.

Грибоедова-писателя автор статьи представил, перечислив его литературные произведения – комедии «Молодые супруги» и «Притворная неверность», но ошибся, назвав его автором пьесы «Своя семья, или Замужняя невеста», в то время как в ней Грибоедову принадлежит текст нескольких сцен, главным же автором пьесы был князь А. А. Шаховской; из стихотворений назвал: «Телешевой» (с ошибкой), «Пролог из “Фауста”» и «Хищники на Чегеме»; трагедию «Грузинская ночь» он представил как законченное произведение, а про комедию «Горе от ума» сообщил, что она написана в Персии, а закончена в Тифлисе в 1822 г.

В биографии обозначены следующие даты: рождение (1795), пребывание на военной службе (1812–1815), поступление на службу в Министерство иностранных дел и назначение в Персидскую миссию (1817), приезд в Россию в отпуск (1823), поездка в Крым (1825) и гибель, но с огромной ошибкой – 27 марта 1829 г. (может быть, автор статьи откуда-то знал, когда тело Грибоедова повезли из Тегерана в Тифлис, что случилось после 25 марта). Заканчивается эта часть сообщением о монументе, якобы установленном в честь Грибоедова в Москве (это, конечно, чистая выдумка, но может быть, она как-то связана с обсуждением в московских журналах проекта памятника на могиле Грибоедова в начале 1830-х гг.).

Хронология жизни Грибоедова, начиная с 1821 г., где речь идет о его дипломатической деятельности и гибели на посту полномочного министра в Персии, оказывается нарочито запутанной и представляется неожиданно тенденциозной. Здесь особо отмечены хорошие отношения с принцем Аббас-Мирзой и дружба с сотрудниками Английского посольства в ранние годы службы в персидской миссии (1818–1821). А вот об участии Грибоедова в русско-персидской войне 1826–1828 гг. нет упоминаний совсем, и вся деятельность его в качестве дипломатического советника И. Ф. Паскевича на театре военных действий, участника мирных переговоров и одного из авторов Туркманчайского договора уложилась в одну фразу: «князь Паскевич использовал его в дипломатических переговорах». Читателям все заслуги Грибоедова в войне и подписании мира остаются неизвестными, а сообщения об аудиенции у императора по возвращении в Петербург, о наградах, о высоком назначении министром в Персию оказываются никак не мотивированы и с этой деятельностью никак не связаны.

Тенденциозность усиливается в той части статьи, где рассказывается о тегеранской катастрофе января 1829 г. Автор рецензии говорит, что Грибоедов в последний свой приезд в Тегеран «не смог осилить премудрости примирения – наоборот, раздражение в нем усиливалось вместо того, чтобы его погасить» [The Literary Gazette, p. 993]. Более того, он явно осуждает принятие под охрану русского

посольства Мирзы-Якуба и «грузинских» пленниц. Наконец, он сообщает, что шах во главе своего отряда спешил на выручку русского посольства, осажденного безумной толпой, но не успел остановить преступления, и о восьмидневном трауре, который шах якобы объявил в Тегеране и которого на самом деле не было [The Literary Gazette, p. 993]. В действительности траур был объявлен в Тавризе Аббас-Мирзою, когда тот узнал о гибели Грибоедова. Создается впечатление, что автор статьи в «Литературной газете» не был самостоятелен, когда писал о гибели Грибоедова, а изложение им событий января 1829 г. в Тегеране близко к тексту персидского документа, который называется «Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии». Этот документ был издан в Лондоне в 1830 г. в переводе на английский язык. Авторство его не установлено, но существует традиция считать документ некоей фальсификацией, созданной с целью оправдать варварскую акцию в Тегеране и возможное участие в ней персидских властей и, как многие полагают, причастность к этому англичан [Реляции происшествий, 1929, 1980].

Причин гибели Грибоедова в Тегеране мы здесь касаться не можем, это темы других и больших исследований. Но интересно и важно отметить, что конфликт интересов России и Англии в Персии был так глубок, что связанные с ним события находят отзвук, хотя и не очень явственный, даже в литературной статье, посвященной переводу комедии спустя почти 30 лет после гибели ее автора.

Вторая часть этой статьи посвящена собственно комедии и переводу ее на английский язык. Автор подробно пересказывает сюжет, характеризует героев и трактует название комедии. Отмечает, что пьеса переведена прозой, поэтому перевод оказался короче, чем русский стихотворный текст. А наличие в английском варианте фрагментов текста, которых нет в современных русских изданиях комедии, автор относит к недосмотру цензуры (о существовании списков полного текста комедии он не знает). Сам перевод в статье характеризуется несколько двусмысленно: «Что касается перевода, он вполне живой, но г-н Бенардаки позволил себе такую свободу в обращении с оригиналом, что не смог бы доказать точность своей версии в качестве оправдания перевода поэзии в прозу» [The Literary Gazette, p. 994]. В качестве примера приведена сцена из 2-го акта комедии с несколькими «образчиками» речи, характеризующими Фамусова как москвича старой закваски [The Literary Gazette, p. 993–994]. Такова вторая английская статья о переводе грибоедовской комедии.

Обе эти статьи мало имеют общего, разве что в изложении содержания пьесы и сведений о Грибоедове. Однако и автор-клерикал, отвлеченный теоретик, мало знающий о русской литературе, и профессиональный критик литературного издания, более разбирающийся в предмете, о котором пишет, вынесли из знакомства с русской пьесой впечатления, далеко выходящие за пределы только литературы. Первый много места уделил общественному устройству России, а закончил статью пророчеством о будущем пробуждении национального духа русского народа и изменении им своей судьбы. Второго автора содержание

пьесы и, видимо, трагичность судьбы автора заставили размышлять о пределах авторской свободы и писательской смелости в самодержавной стране: «Больше всего заслуживает восхищения в ней <в пьесе> смелость и дерзость автора, чья свобода слова, как можно думать, могла завести его скорее в Сибирь, нежели в Персию» [The Literary Gazette, p. 994].

Приложение

1. «Горе от ума»¹

Если представить на минуту, что Российская империя объединяет территории Европы и Азии (оставим без внимания побережье Северной Америки) размером как минимум в 7.000.000 квадратных миль и что вся эта территория заселена, в основном, полуварварским и разноязычным населением почти в 70 млн. душ, то мы естественно зададимся вопросом: как такая гигантская империя может существовать под властью одного монарха, и попытаемся понять, что объединяет (т.е. какие общие идеи и обычаи) такую массу людей. Если взглянуть на это извне с реальной точки зрения, можно предположить, что сила и страх – главное, что обеспечивает единство страны, но более глубокий взгляд обнаруживает, что мы упустили более значительные и действенные причины формирования единой нации в России, которые, как и везде, концентрировались в самосознании народа. Если сравнить, например, взаимосуществование Британской империи и британского общества, то, опираясь на исторический опыт, можно сказать, что порядок и спокойствие 29 млн. британцев поддерживала армия сотен тысяч сильных и надежных полицейских. Но даже неискушенный человек ответит на это: Нет! Британцы удерживаются в порядке и подчинении с помощью комплекса идей и отношений, присущих именно британскому типу сознания, вкупе с уважением к религии, закону и общественным институтам, заложенным и взращенным в сердце каждого британца. В этом и только в этом смысле мы понимаем значение терминов *британская свобода* и *британская независимость*! именно на этом основаны правопорядок и незыблемость британского трона и британского народа. Таким же образом, если мы зададимся целью узнать, с помощью чего такое огромное население, живущее в необъятных просторах Российской империи, удерживается вместе, то мы быстро обнаружим, что законы, применяемые в Британии, в не меньшей степени применимы и в России. И что русский народ обладает характерными для него индивидуальными особенностями темперамента и интеллекта, на чем основаны религия, законы и институты, по воле которых русские живут, а их рост и развитие в гармонии с русскими чувствами и пониманием вещей образует силу и сохранность царской власти. Хорошо было сказано Флетчером: «Позвольте мне описать народ или нацию, или кого бы то ни было, кто решает создать свои законы, в лирической форме, – другими словами: Дайте мне воспеть любовь и дружбу, манеры и

¹ Gore of Ouma; a comedy. From the Russian of Griboiedoff / Translated by Nicholas Bernardaky. London: Simpkin, Marshall, & Co // Macphail's Edinburgh Ecclesiastical Journal and Literary Review. Edinburgh: Myles Macphail, London: Simpkin. 1857. Vol. XXIV. No CXL. P. 88–100. Перевод Б. С. Колесника.

обычаи, замешанные на религиозности и руководящие складом их мышления и представлениями об идеалах, и тогда самый простой законодатель приведет свои законы в соответствие с моей песней; а это значит – в духе и рамках национального мышления». Таким образом, получается, что настоящий поэт и мыслитель с поэтическим складом ума формируют ментальность нации и подстраивают ее под более возвышенные желания народа; и с этих же позиций, подстегнутый этим поэтическим духом, законодатель подходит к выработке законов. Поэзия и гражданские законы государства, являются, таким образом, не более чем высшим обобщением национального самосознания. Они формируют образец национального самосознания и мощный поток национальной мысли.

Однако многие страны не обладают выраженными национальными особенностями и не вскормили национальных поэтов, способных выразить самосознание народов, их населяющих. Даже Соединенные Штаты Северной Америки, этот еще недавний отпрыск Британии и остальной Европы, до сих пор не имеет устоявшегося, четкого и возвышенного национального самосознания, а посему и никаких настоящих поэтов, чтобы представить страну.

На первый взгляд, население Америки, в основном, состоит из деловых и пронырливых людей, которые могут свести военное прошлое и настоящее к собственной выгоде, но в чувствах своих они слишком мало причастны природе и мало следуют ее законам. Даже их религия отдает многогранным фанатизмом, уходящим корнями в *Simmerian*-скую тьму (мифический народ из царства мглы и мрака, придуманный Гомером), и это тоже влияет на безнадежность их положения в этом плане.

Их Лонгфелло, Брайнт, По и некоторые другие – чувствительные, сентиментальные, услужливые певцы, у них более богатые наборы традиционных образов, но они почти лишены глубины, оригинальности, собственных серьезных идей. Их стихи доставляют наслаждение своей ритмической красотой, но не затрагивают глубокие чувства, разум и воображение читателей. Они не впечатляют своей мощью и оригинальностью, не возвышают и не усиливают эмоций своими описаниями. Чего им не хватает – так это слияния сильной и пылкой человеческой души с напором природных стихий.

Всё, что возвышает и облагораживает, пришло к американцам из далекого прошлого с территориями Греции, Рима, Франции, Англии и т.п. Всё это приобщило их к мощной исторической литературной традиции Европы. Выработанные ею понятия и эмоции до сих пор не стали родными для американской земли, ее жители не способны проявлять взрывы морального энтузиазма, свойственные иногда европейским народам. Действительно, американцы до сих пор не ощущают поэзии в своих душах.

Правда, Америка дала несколько оригинальных наблюдателей, которые представляли ее вместо поэтов. Из них наиболее заметная фигура – Ральф Уолдо Эмерсон, который выделяется тем, что является понятным и глубоким наблюдателем практически во всех сферах исследований. По глубине и

пониманию он обладает всеми качествами настоящего поэта, но хотя он и пытался выразить свои идеи в стихотворной форме, но тем самым показал, что лишен поэтического дара. Более того, Эмерсону недостает страсти и силы эмоций, и потому, видимо, не хватает энтузиазма. Он способен тем не менее распознать и сделать доступными самые большие пределы человеческой мысли, но ему не под силу, по упомянутым недостаткам, облечь их в соразмерную и адекватную форму. До сих пор Эмерсон остается одним из первых настоящих гениев, выросших на Американской земле – и да поможет ему Бог в его стараниях.

Но есть страны, еще дальше отстоящие от высокой цивилизации и культуры, чем Соединенные Штаты Северной Америки; в них зародыши более высокого духа так никогда и не проклюнулись и в грядущие столетия они вряд ли проявятся. Мы имеем в виду государства, возникшие из абсолютного варварства; и в таком понимании экстраординарным примером является Россия. Всего неполных 200 лет назад эта страна, уже империя, по своим размерам и физической мощи не имела аналогов. С ранних периодов своей истории Россия была озабочена расширением своей территории и накоплением сил для ее сохранения.

Для ознакомления с государственным опытом европейских стран Петр I посетил Голландию, Францию и Англию и работал там простым плотником. Уже тогда он осознал великое значение настоящего труда, который является основой всякого благополучия, досуга и высокой культуры. Прежде, чем Россия сможет стать высоко цивилизованной страной, она должна не только добывать золото, платину, медь, железо, мрамор, гранит, деготь, пеньку и строительный лес, продукты, которые родит земля; она должна также собственными силами суметь обратить это сырье в предметы пользования и роскоши. Она должна выращивать пшеницу, ячмень, овес и рожь не только на землях, где эти злаки росли почти самопроизвольно веками, но с помощью науки и орудий труда сделать возможным произрастание этих культур в отдаленных местах, где нога человека еще не ступала.

Как Петр I так и его последователи не щадили себя. Работая на этом поприще, они привозили в страну специалистов в разных областях деятельности из всех европейских государств для подготовки русских кадров; и в настоящее время мы наблюдаем прогресс и проявление упорства, какие позволяют быть уверенными в будущем успехе. Рим не один день строился, и Россия не может стать цивилизованной страной за одно столетие. Но то, чего она уже достигла, свидетельствует об усиленном интеллектуальном развитии, чему всегда сопутствуют развитие родного языка и литературы. И сегодня с распространением продуктивной энергии России, ее литература старается идти в ногу. Уже сейчас Россия, не имея настоящих поэтов, породила несколько замечательных прозаиков, среди которых наиболее заметным новеллистом является Гоголь.

Вновь возникает вопрос, посредством чего эта безграничная территория с ее разношерстным полу варварским населением удерживалась вместе? По сути, она примирила различные и совершенно друг на друга непохожие расы, отпочковавшиеся от народов европейского и монголоидных типов. И по сей день

они гармонично уживаются под одной властью, как отпрыски одной семьи. Как и везде, религия является важнейшим элементом объединения. За исключением небольшого количества магометан на окраине империи, русские, в основном, народ христианский, принадлежащий к Православной или Греческой церкви. К концу 9-го века славяне, населявшие земли к северу от Черного моря, уже были обращены в христианство; а в среде простого населения, проживавшего в глуши, евангелические заповеди легко прижились и безоговорочно исполнялись. Церковные обряды, доброта, добрая воля и гостеприимство сформировали основу привычек и обычаев этих людей. Именно в этом причина притяжения народом законов, но и национальной литературы также. Русская литература, таким образом, обнаруживает (?) все глубинные смыслы христианства. Отсюда же сила и естественность русского языка, способного выражать не только глубочайшие эмоции, но и владеющего средствами для отражения процессов отвлеченного сознания. Эти разнообразные и сложные элементы сливаются с чувством безопасности жизни под отеческим правительством, которое сплотило и удерживает вместе такую огромную империю.

Однако, не удовлетворяясь возможностями своего родного языка, образованные сословия россиян с удовольствием заимствуют жизненные и литературные черты других наций. Потому литературы Франции, Англии и Германии изучаются с жадностью. В высшем свете Санкт-Петербурга и Москвы французский язык в силу его пластичности получил предпочтение перед другими европейскими. Следовательно, и французская литература в России завоевывает могущественное влияние. Она способна с одинаковой достоверностью выразить и простоту привычек крестьянства, и изысканность высшестоящих классов. И к концу 18-го столетия влияние французской литературы в России по сути сформировало русскую мысль по своему подобию, привнеся в нее чувствительность и вкусы, подобные французским, что должно в конечном счете придать родной литературе России мягкость, пластичность и деликатность, не свойственные языку полу варваров.

И хотя Россия, как и Соединенные Штаты, породила много людей, писавших стихи на родном языке, она все еще не обрела настоящего поэта, способного воспеть ее любовь и дружбу – воздать ее героям – описать ее баталии – или изобразить девственную природу ее безбрежных владений. Однако, при отсутствии «национального гения», Россия все же дала несколько значительных и оригинальных писателей, в той или иной степени подверженных европейскому влиянию – английскому, немецкому, французскому.

Среди них автор пьесы «Горе от ума» один из замечательных. Смысл этого названия, как указывает нам красноречивый и талантливый переводчик пьесы, в том, что *неудобно быть умником* или, как мы бы точнее определили: *это несчастье – быть гением*.

Но давайте дадим слово самому переводчику. Вот что он пишет в предисловии: «Я обещал английской публике представить chef-d'œuvre российской сцены «Горе от ума» Грибоедова. Это произведение растущего таланта (чья смерть, к сожалению, прервала развитие его творчества), воплотившего великолепное

литературное дарование и, одновременно, творческую дерзость автора, впервые посмевшего приподнять вуаль, скрывавшую недостатки его современников. Велик был гнев, им вызванный, но автор не свернул с дороги, им проторенной; он бичевал твердо и безжалостно основы громадного здания предрассудков, скопившихся веками. «Горе от ума» вызвало невиданную сенсацию не только в литературных кругах Москвы, где пьеса впервые появилась, но и во всех слоях российского общества. Множество ее выражений и по сей день употребляются как поговорки и пословицы. В характере Грибоедова больше от Ювенала, чем от Мольера. Стиль его произведения резок и краток, а художественная выразительность скорее тяготеет к *едкой сатире*, чем к *умной комедии*. Автор четко видит существующие пороки своих современников; он высмеивает их невежество и распутство, и, как настоящий в душе патриот, он негодует по поводу холопского подражания иностранцам, что отличало его эпоху. Грибоедов – настоящий карикатурист. Буквально нескольких слов, одного предложения достаточно, чтобы нарисовать характер каждого персонажа пьесы. Взгляните на эту поразительную картину! Взгляните на фигуру Фамусова, важного и надменного барина и одновременно холопа перед вышестоящими; он устраивает великолепные приемы, но по пустякам распекает своих крепостных слуг. И насколько же эффектно это всё выражено в его реакции, когда он узнает о связи своей дочери с Чацким: «О Господи! Что будет говорить княгиня Марья Алексеевна!»

Следующий, кто привлечет ваше внимание грубым своим голосом, наверняка будет Скалозуб, достопочтенный старый вояка, в голове которого ничто не отложилось, кроме парадов, званий и строя. Он всегда, даже разговаривая с дамами, как будто отдавал приказы стоя перед своим полком. Да пребудет мир с тобой, старина Скалозуб! Похоже, что ты почил в Бозе с единственным сожалением, что не увидел исполнения своего заветного желания – уничтожения всех книг.

Заметьте еще существо, тихо ковляющее на заднем плане в полном одиночестве, неуверенное в каждом своем шаге, мнении, в словах, более того, даже в собственном существовании. Это Молчалин, секретарь Фамусова, одной из своих обязанностей полагающий изображать романтическую влюбленность в дочь своего патрона.

Нельзя не смеяться, глядя на безнадежно унылое лицо бедного Платона Михайловича, который пытается выглядеть довольным под гнетом докучливых супружеских обязанностей. Это ироническое изображение семейной идиллии – точная картинка из реальной жизни.

В меланхоличной романтической девушке, стоящей рядом с Фамусовым, вы легко узнаете его дочь Софью, образец всех молодых дам, воспитанных на французский манер *второй матерью*, по выражению Фамусова, т. е. гувернанткой, которая лелеяла свое *дитя* за тысячу рублей годовых.

А это что за суматоха вдруг? Ах! Это же идет княгиня со своими шестью дочерьми, улыбающимися и щебечущими, а возглавляет их почтенный старый глухой князь, единственная забота которого – хорошо выдать замуж своих дочерей.

Загорецкий – тоже хорошо знакомый тип, жуликоватый и лживый, все его ругают, все презирают, но все принимают, отдавая дань его проворству и услужливости в делах даже и вполне сомнительного свойства.

В окружении этой пустоты, толпы завистливой и презренной, мы видим личность талантливую, тонко чувствующую и образованную. Он тщетно пытается бороться с мощным засильем предубеждений. Большинство против него, и Чацкий битву проигрывает. В этом причина его неудачи и происхождение оригинального названия комедии «Горе от ума». Чацкий потерпел неудачу, потому что он дальновиднее своих современников. Он пытается указать им на их ошибки, а они обзывают его якобинцем; и тогда он говорит как человек, чувствующий себя в окружении друзей-предателей, а они тут же записывают его в сумасшедшие. Он единственный положительный герой в этой пьесе, но и ему присущ важный недостаток – он слишком идеален! Мы напрасно ищем живости в фигуре этого бледного молодого интеллектуала. Он в значительной степени воплощает идею, а не живое существо. Он очень опечален, и как будто по-настоящему, но его печаль – не взрыв эмоций человека, удрученного горем, побежденного враждебными обстоятельствами, он уступает им и предстает во всей детской беспомощности нашей хилой натуры! Чацкий никогда прежде не был в таком положении. Потеря им самых ценных иллюзий, неверность любимой женщины только усилили в нем настроение горькой иронии. Его отчаяние не назовешь мягким и меланхоличным и потому, не обращенное к сердцам читателей или зрителей, оно воспринимается как проявление большой человеческой слабости.

Я должен напомнить читателю, что «Горе от ума» появилось в 1823 году, и с той поры много благоприятных перемен случилось в русском обществе. Поэтому читатель не должен судить о сегодняшнем состоянии общества, исходя из впечатления от пьесы. Чацкий был пионером совершенно другого поколения. За последние 20 лет дух слепого подражания всему французскому выветрился, хотя некоторые его черты до сих пор сохраняются в образованных классах общества. Сам Грибоедов не дожил до того времени, когда он исчез окончательно. И кто знает, как далеко он пошел бы в своем разрушительном обличении. Но судьба уже караулила его земной путь. Он сделал блестящую карьеру, был назначен в 1829 году послом к шахскому двору в Тегеране. Вскоре по приезде Грибоедова туда в городе случился мятеж, и он пал жертвой фанатичной и обезумевшей толпы».

Фактически, «Горе от ума» является сатирой на русскую жизнь и русское общество, донесенной до нас в духе французского понимания. По большому счету, нельзя сказать, что пьеса пришла к нам в подлинно поэтической форме, потому что переводчику важнее было выразить ее сатирическое, а не поэтическое начало. Он предпочел увидеть повседневную жизнь России в ее главных чертах в рамках сюжетной истории, осмысленной в духе французского XVIII-го века. В конце концов, пьеса демонстрирует преклонение московского высшего общества

перед всем французским: оно не только переделось во французское платье, но и переняло фривольность французских нравов.

Почти каждый персонаж комедии наделен каким-либо негативным качеством (подхалимаж, эгоизм и проч.), кроме Чацкого, который следует во всем своим нравственным понятиям, что другими персонажами принимается как умопомрачение. Мы не можем воспринимать Чацкого реальным, жизненным типом по той простой причине, что его идеализм проявляется в словах, а не в поступках. И всё же его личность как таковая вызывает симпатию, так как он на протяжении действия энергично и по-мужски выступает против дозволенной лжи, безнравственности и других пороков общества, его окружающего. Обличительные монологи Чацкого не являются отвлеченно поэтическими рассуждениями, это сильные, прямые и мужественные высказывания человека, уверенного в себе. Он постоянно облекает свои мнения в слова, которые как пословицы и поговорки доходят до каждого сердца, а его правда очевидна как необразованному крестьянину, так и человеку науки и культуры. Правда, в отличие от Джинни Динса у Скотта², он не является в жизни идеалистом, по крайней мере это не показано в пьесе, но, похоже, идеализм всегда присутствует в его мыслях, что и проявляется в его высказываниях.

Но мы всё же должны позволить нашим читателям судить о Чацком и других персонажах комедии самим. <Далее в статье помещён прозаический перевод двух первых сцен из I действия комедии>.

В приведенной сцене налицо двусмысленная ситуация, когда молодые люди (Софья и Молчалин) всю ночь до рассвета проводят вместе, тут же Фамусов, отец Софьи, который волочит за Лизой, служанкой дочери, а позже этим же отличится и ее возлюбленный, – всё это сильно напоминает преступную распущенность французов XVIII века; и если картина русских нравов соответствует изображенному, они точно нуждаются в серьезной реформации! <...>

Недостаток комедии заключается в том, что в ней нет персонажа, олицетворяющего высокий идеал, противостоящий безнравственности, распущенности, лжи и подхалимству остальных. Как уже отмечалось, Чацкий всего лишь на словах протестует против нравов окружающих его людей; его протест не превращается на наших глазах в действие, что снижает эффект пьесы. Но мы должны воспринимать его так, как сам автор задумал. Мы уверены, дело не в том, что в российском обществе нет достойных личностей, могущих создать заслон всем этим негативным сторонам жизни, но чтобы это изобразить, автору пришлось бы расширить материал самой пьесы.

Однако давайте доставим удовольствие читателям от двух заключительных сцен пьесы. Далее в статье помещён прозаический перевод двух последних сцен комедии.

² Джинни Динс (Jeanie Deans) – персонаж романа «Сердце Мидлоттиана» В. Скотта (1818), один из самых знаменитых героев Скотта в XIX в., образец честного, порядочного, искреннего, религиозного человека.

Не стоит забывать, что лежащий перед нами текст не дает возможности судить о нравах и обычаях высшего класса России, как не дает такой возможности «Школа злословия» или любой другой сатирический текст на любом языке. Принимая это во внимание, надо всегда помнить, что право на суждение дается писателям-сатирикам, одаренным воображением и способностью судить о жизни по существу и исходя из своих представлений. Надо быть снисходительными; и хотя автор «Горя от ума» представляет обман и мошенничество в самом сердце высшего общества России, а его персонаж хорошо известен в гостиных, где и другие разделяют его пороки, авторское презрение к этим людям есть достаточно эффективный способ высказать правду. Как бы там ни было, мы должны поздравить наших соотечественников с публикацией сатиры на русскую жизнь и ее особенности и отметить превосходный стиль перевода (хотя и не без ошибок); и мы не сомневаемся в том, что удовлетворенный приемом его работы в Британии, автор продолжит деятельность по представлению британской публике великих и достойных произведений русской литературы в других жанрах. Мы вполне осознаем, что г-н Бенардаки, молодой переводчик греческого происхождения, всего лишь 18-ти лет от роду и еще не завершивший свое академическое образование, в силу своего раннего развития и гениальности вполне может послужить человечеству. Его детальное знакомство с английской литературой и английскими идиоматическими выражениями выше всякого уровня, какой мы могли бы предположить в иностранце, и если время ему позволит (а мы на это очень надеемся), он вскоре посвятит себя переводу других, более важных произведений русской литературы.

Мы полностью сознаем, что много было написано о вероломстве русского чиновничества, начиная с высшего сановника в государстве и до самого смиренного полицейского детектива, и, как утверждают, начиная с генерала и кончая капралом, мошенничество свойственно всем, что само по себе отвратительно, и что то же самое происходит во всех других частях государства. Рассказывают, что император Александр I сказал о своих подданных: «Они бы похитили мои линейные корабли, если бы знали, куда их спрятать; если бы они могли это сделать, не разбудив меня, они бы и зубы мои украли, пока я сплю». В работах, свидетельствующих о таком положении дел (в России), мы находим, тем не менее, и утверждения вроде приводимых ниже: «В крестьянской среде и по сей день обнаруживаются повсеместно черты их (крестьян) предков; они выживают в условиях нищеты и угнетения и увяли бы в любых других условиях; они демонстрируют ту же пассивную выносливость, ту же приверженность месту проживания, ту же нехватку боевого задора. Природа в качестве компенсации многих несчастий одаривает крестьянина радостью, счастьем и покладистым характером; естественно, он становится миролюбивым и неагрессивным». Русские крестьяне представляются в свете этого добродушными и добросердечными, проявляющими сочувствие к нуждающимся, особенно к ссыльным, идущим через деревни в Сибирь.

Особо надо отметить одно очевидное обстоятельство: русское правительство делало всё, что в его силах, чтобы привязать каждого индивидуума империи к себе. Это облагораживало чиновников из числа покоренных народов, а каждому подданному внушало обязанность молиться за императора, наместника Бога на земле. Отсюда и квалификация политических преступлений как особо тяжких, и жестокость наказания за них.

Исходя из всего этого, мы можем признать, что русская мысль, как и у большинства подобных наций, побуждается единственно ее импульсивными и эмоциональными тенденциями, а не глубоким постижением законов и моральных обязательств, чем цивилизованные страны и отличаются.

Похоже, что из прочитанного и уясненного нами следует, что Российская империя управляется, опираясь на сильные импульсивные симпатии русского народа к своему правителю. И дело тут не в законах, правах, обязанностях или морали, с помощью которых император внушает необходимость послушания своему правительству. Сознание российских крестьян, число которых составляет почти 45 млн. душ, не достигло того уровня мысли, который необходим для понимания моральных законов в их абстрактной высшей форме, и вполне вероятно, что потребуются несколько столетий, чтобы оно сравнялось с европейским сознанием. Когда же это случится, российский народ не останется покорным императору. Он отринет старые законы и создаст другие, которые будут жестче для правительства и весомее (полезнее) для будущего развития. Но рост сознания должен происходить изнутри. Люди должны в самой глубине своего существа духовно вырасти, а этот процесс должен предшествовать росту их материального благосостояния и жизненного комфорта, поскольку именно духовное развитие формирует идею закона, а она влияет на общий уровень и развитие народа.

Все эти замечания имеют целью показать необходимость прогресса в России, развивающегося изнутри ее самой. Ее народ породит мыслителей и гениев, которые первыми сообщат импульс человеческим сердцам и намерениям, чтобы отпустить их от сегодняшнего чувственного и слишком импульсивного и безрассудного духа, и воспитать в народе возвышенные и далеко простирающиеся идеи, которые придадут силу закона и настоящие принципы руководства страной, как у каждого великого народа.

Крестьянство Шотландии не удосужилось подсчитать, насколько оно обязано свободой и независимостью своим поэтам, которых любовно называют пахарями и крестьянами, чтобы подчеркнуть, какой щедрости и душевного благородства может требовать покой в пределах грубой реальности... Он (поэт) является выразителем (путеводной звездой) умонастроения и самосознания народа в своем государстве, и он же извещает государство о пробуждении свободы. В России пока что такого не случилось; нет, она до сих пор не имеет такого поэта, а имеет лишь горстку гениев и такие понятия, как у большинства варварских наций на Земле; но она не удостоена поэтом, который слил бы в единое целое ее дух и нашел бы ему ясное выражение. Но если он появится, найдется ли для него столь же талантливый и одухотворенный переводчик, каким является наш сегодняшний юный соискатель?

В заключение мы хотели бы искренне пожелать г-ну Бенардаки, чтобы он, когда у него появится достаточно свободного времени, выбрал из русских авторов самого известного и сделал бы перевод его произведений (будь то проза или стихи) на наш английский язык; потому что, судя по его переводу «Горя от ума», пока не было ни одного более компетентного и способного кандидата для такой задачи, – и мы можем заверить и будущего переводчика, и наших читателей в том, что работа будет прочитана с большим вниманием, и не только с жадностью, но и с благодарностью. Переводы рассказов и романов лучших авторов сделали бы неизмеримо больше в плане более глубокого понимания англичанами реального характера русского народа, чем пустые и плохо изложенные описания путешествий. Это дало бы нам возможность исследовать русский характер, запечатленное в этих переводах российское толкование его и гений самой России; и таким образом способствовать возникновению и росту симпатий и добрых чувств, которые в настоящее время не существуют между двумя странами.

2. «Горе от ума». Комедия³

Считанные англичане знают что-то о русской литературе. Они едва ли даже знакомы с теми авторами, чьи произведения частенько переводились во Франции и Германии. Русское периодическое издание, журнал «Колокол», выходящий в Лондоне дважды в месяц, редко представляет славянских писателей на английском языке. Теперь же г-н Бенардаки познакомил публику с популярным русским автором, за что воистину достоин благодарности тех, кому доставил это удовольствие.

А. С. Грибоедов родился в 1795 г. и получил образование в Московском императорском университете. В 1812 г. он вступил в армию в чине корнета в Московский гусарский полк под командованием графа Салтыкова, а по смерти его перешел к Иркутским гусарам под командование генерала Кологривова, которым был сильно обласкан. Его военная служба растянулась более чем на четыре года, и в конце этого срока он оставил службу и уехал в Санкт-Петербург.

В 1815 г. его первая комедия «Молодые супруги» или «Молодая чета» была поставлена на сцене и имела значительный успех. Эта вещь свела его с писателями, среди которых оказался Н. И. Греч, редактор журнала «Сын Отечества», великолепного периодического издания, существующего по сию пору, в нем Грибоедов напечатал несколько статей. Среди близких его друзей был А. А. Жандр, с которым вместе он перевел в 1817 г. комедию Барта (Barthe) «Мнимые измены» («*Les fausses infidelites*»), получившую у них название «Притворная неверность». На следующий год он выпустил третью комедию «Своя семья, или Замужняя невеста», в создании которой ему помогали князь А. А. Шаховской и поэт Н. И. Хмельницкий.

³ Gore of Ouma: A Comedy from the Russian of Griboiedoff / Translated by Nicolas Bernardaky. Simpkin, Marshall, & Co // The Literary Gazette, and Journal of Archeology, Science and Art. 1857. 17 October. P. 992–994. Перевод Б. С. Колесника.

К этому времени его заметили. В 1817 г. он был принят на службу в Министерство иностранных дел и вскоре отправлен в Персию в качестве секретаря российского посольства при дворе шаха. Там он оставался около четырех лет, в течение которых обогатился знанием персидского языка и литературы, в дополнение к тем языкам, какими владел раньше, – французскому, немецкому, итальянскому и английскому. Булгарин в воспоминаниях, предпосланных изданию «Горе от ума» 1854 г., отмечает, что Грибоедов пользовался огромным уважением у сотрудников английской миссии в Табризе и был в большом фаворе у Аббаса Мирзы. Казалось, он любил страну и ее народ, не представляя, как печально закончится в ней его жизнь. Но мысли его постоянно обращались к С<анкт>-Петербургу, и как раз в это время он написал комедию «Горе от ума», которая была завершена в Тифлисе в 1822 г. На следующий год он приехал в Петербург в короткий отпуск, который оказался продлен на два года по причине разразившейся войны между Россией и Персией, и Александр Сергеевич оставался это время в столице. В этот период он сотрудничал в нескольких журналах, среди которых были «Сын Отечества», напечатавший стихи Грибоедова к балету «Руслан и Людмила», и «Полярная звезда», где был опубликован перевод «Пролога» к «Фаусту» Гёте.

В 1825 г. его отправляют на юг России, где князь Паскевич использовал его в дипломатических переговорах. В это время Грибоедов посетил Крым и некоторое время провел в Грузии, где собирал материал для трагедии «Грузинская ночь» и написал стихотворение под названием «Хищники на Чегеме», которую опубликовал в «Северной пчеле».

По возвращении в Россию, после аудиенции у императора, он был пожалован в статские советники и вскоре назначен полномочным министром при персидском дворе в Тегеране. Остановившись на время в Тифлисе, Грибоедов женился на дочери князя Чавчавадзе. Казалось бы, он получил всё: и почет, и счастье – высокую должность, уважение императора, множество любящих друзей, любимую жену и открывшуюся благородную карьеру. Но судьба распорядилась иначе.

Грибоедов прибыл в Тегеран в недобрый час. Персия была сильно унижена поражением в последней войне и условиями позорного для нее мирного договора. Народ ощущал горечь поражения и тяжелое бремя налогов. Похоже, что Грибоедов не смог осилить премудрости примирения – наоборот, раздражение в нем усиливалось вместо того, чтобы его погасить. Случайность привела к кризису. Армянин укрылся от полиции в помещении русского посольства. Грибоедов отказался выдать его властям, объявив российским подданным. В то же время он приютил двух грузинских женщин, которые сбежали от своих персидских хозяев, что еще больше подхлестнуло гнев части местного населения. 27 марта 1829 г. толпа, собравшаяся у ворот, напала на здание посольства. Охрана из казаков открыла огонь по нападавшим, несколько человек было убито. Мертвые тела унесли в мечеть и там были выставлены для

публики. Народ пришел в ярость; последовала новая атака на здание посольства и его обитателей; двери полетели внутрь, и Грибоедов был убит вместе со своим секретарем, врачом и еще пятнадцатью членами его свиты. Только четверо обитателей здания смогли спастись.

Шах возглавил подразделения своей охраны, чтобы подавить смуту, но когда персидские войска добрались до места, резня уже закончилась. Предвидя гнев России, шах объявил в городе восьмидневный траур и отправил своего внука к Паскевичу, чтобы выразить сожаление по поводу случившегося. Генерал препроводил молодого принца в Петербург, где тот был представлен негодующему императору. Князь Долгорукий отправился в Тегеран с инструкциями получить сатисфакцию за нанесенное России оскорбление. Кое-какие меры к тому были приняты: 1500 мятежников жестоко наказали, а главный мулла, участвовавший в нападении, изгнан из страны.

20 июля 1829 г. Грибоедов был торжественно похоронен в монастыре Св. Давида в Тифлисе. Во время своего последнего пути из Еревана он сказал спутникам: «Не оставляйте мои кости в Персии, если я там умру, а похороните меня в Тифлисе, в монастыре Св. Давида». Он очень любил монастырь и упоминал это место в своей трагедии «Грузинская ночь». Там он женился и там же нашел свое последнее успокоение. Его мать и вдова были обеспечены пенсионом со стороны императора, а в Москве был воздвигнут монумент в его честь.

Комедия, переведенная г-ном Бенардаки, является лучшим произведением Грибоедова. Заглавие («Горе от ума») означает *несчастье от способности быть умным*, что подразумевает плохой прием у публики человека, который умнее своих соседей. Фабула незамысловата, действия мало или нет совсем, а концовка и вовсе слабая. Всё достоинство пьесы состоит в описании характеров и в живости диалогов. Для английского читателя некоторые сцены особенно интересны, так как дают ему возможность понять русское общество того времени.

Герой драмы Александр Андреевич Чацкий обладает умом, приносящим ему одни только неудачи. Он влюблен в Софью Павловну, дочь важного сановника Фамусова. Девушка же, однако, расположена к Молчалину, секретарю батюшки, а тот, притворяясь, что любит ее (по вполне понятным мотивам), на самом деле интересуется только горничной Лизой. В 1-м акте Чацкий, только что возвратившийся из-за границы, появляется в доме своей возлюбленной как раз в тот момент, когда отец читает ей мораль по поводу ее фамильярности с Молчалиным. Во 2-м акте Софья почти обнаруживает свои чувства, нечаянно столкнувшись с Молчалиным. 3-й акт почти целиком посвящен балу в доме Фамусова. Чацкий произносит здесь обличительные монологи, которые, естественно, не нравятся гостям, и, когда он уходит, распространяется слух, что он тронулся умом. Герой возвращается в начале 4-го акта, когда гости Фамусова покидают дом. Ожидая в швейцарской, когда ему подадут карету, Чацкий услышал, что успели распространить о нем на этом балу. Последний гость уехал, и обитатели дома

отправились отдыхать. Пока Чацкий раздумывал, в сени вошла Софья, и он укрылся за колонной. В это же время появляется Молчалин с Лизой, и Софья прячется за другой колонной. Удобный случай, дающий возможность Софье раскрыть поведение Молчалина, а Чацкому – ее. Следует великолепная сцена, в результате Молчалин обращается в бегство, а Чацкий удаляется, дав волю своим оскорбленным чувствам в пылком монологе.

Прежде, чем привести несколько выдержек из диалогов, мы должны заметить, что перевод намного короче оригинала ввиду того, что Грибоедов написал комедию стихами, а переводчик удовлетворился прозой. Единственным русским изданием комедии, к которому мы имеем доступ в настоящее время, является публикация Булгарина 1854 г. В ней не было обнаружено никаких следов тех речей, что встречаются в переводе, и мы должны признать, что произведение было жестоко исковеркано цензурой при его повторной публикации.

Вот несколько образчиков, характеризующих Фамусова, который являет собой москвича старой закваски: <далее следует перевод сцены из 2-го акта комедии>.

Этих выдержек вполне достаточно, чтобы понять природу пьесы. Больше всего изумляет в ней смелость и дерзость автора, чья свобода, как можно думать, предполагала для него место в Сибири, а не в Персии. Что касается перевода, он вполне живой, но г-н Бенардаки позволил себе такую свободу в обращении с оригиналом, что не смог бы доказать точность своей версии в качестве оправдания перевода поэзии в прозу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аблогина, Е. В. «Горе от ума» в переводах: попытка статистики / Е.В. Аблогина, Н.Е. Разумова // Сибирский филологический журнал.– 2010.– № 3.– С. 49–58.

Воронова, Н. П. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в англоязычных переводах: восприятие и интерпретация. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.01.01.– русская литература.– Саратов, 2005.– 23 с.

Реляции происшествий, предворявших и сопровождавших убийство членов последнего российского посольства в Персии // А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников.– Ленинград: Изд. «Красная газета», 1929.– С. 154–178.

Реляции происшествий, предворявших и сопровождавших убийство членов последнего российского посольства в Персии // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Сост., вступит. статья, подгот. текста С. А. Фомичева; комм. П. С. Краснова.– Москва: Художественная литература, 1980.– С. 303–329.

Пиксанов, Н. К. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» / Н. К. Пиксанов // Грибоедов А. С. Горе от ума / Изд. подготовил Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина.– Москва: Наука, 1987.– С. 280–387.

Шадрин, Н. Л. Идиоматика «Горя от ума» в западноевропейских переводах / Н. Л. Шадрин // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиция. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 164–191.

Якунина, М. А. Первый перевод «Горе от ума» на английский язык / М. А. Якунина // X Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». – Тверь, 26 апреля 2018 г. – URL: https://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/4788/Yakunina_MA_2018.pdf. (28.03.2021).

Gore ot ouma: A comedy. From the Russian of Griboiedoff / Translated by Nicolas Bernardaky <!.>. London: Simpkin, Marshall, & Co // McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal (and literary review) & Literary Review. 1857. September. Edinburgh: Myles Macphail; Dublin: M'Glasban & Gill. Vol. XXIII. P. 88–100.

Gore ot Ouma: A Comedy from the Russian of Griboiedoff / Translated by Nicholas Bernardaky <!.>. Simpkin, Marshall, & Co // The Literary Gazette, and Journal of Archeology, Science, and Art. 1857. 17 October. P. 992–994.

Griboiedoff, A. S. Gore ot ouma / Translated by Nicholas Benardaky. – London: Simpkin, Marshall, & Co, 1857. – 134 p.

REFERENCES

Ablogina, E. V. “Gore otuma” v perevodah: popytka statistiki / E. V. Ablogina, N. E. Razumova // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2010. – № 3. – S. 49–58.

Piksanov, N. K. Komediya A. S. Griboedova «Gore ot uma» / N. K. Piksanov // Griboedov A. S. Gore ot uma / Izd. podgotovil N. K. Piksanov pri uchastii A. L. Grishunina. – Moskva: Nauka, 1987. – S. 280–387.

Relyacii proisshestvij, predvaryavshih i soprovozhdavshih ubienie chlenov poslednego rossijskogo posol'stva v Persii // A. S. Griboedov. Ego zhizn' i gibel' v memuarah sovremennikov. – Leningrad: Izd. «Krasnaya gazeta», 1929. – S. 154–178.

Relyacii proisshestvij, predvaryavshih i soprovozhdavshih ubienie chlenov poslednego rossijskogo posol'stva v Persii // A. S. Griboedov v vospominaniyah sovremennikov / Sost., vstupit. stat'ya, podgot. teksta S. A. Fomicheva; komm. P. S. Krasnova. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1980. – S. 303–329.

Shadrin, N. L. Idiomatika «Gorya ot uma» v zapadnoevropejskih perevodah / N. L. Shadrin // A. S. Griboedov. Tvorchestvo. Biografiya. Tradiciya. – Lenngrad: Nauka, 1977. – S. 164–191.

Voronova, N. P. Komediya A. S. Griboedova «Gore ot uma» v angloyazychnyh perevodah: vospriyatie i interpretaciya. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Special'nost' 10.01.01. – russkaya literatura. Saratov. gos. un-t im. N. G. Chernyshevskogo. – Saratov, 2005. – 23 s.

Yakunina, M. A. Pervyj perevod «Gore ot uma» na anglijskij yazyk / M. A. Yakunina // X Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya molodyh uchyonih «Dialog yazykov i kul'tur: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty». – Tver', 26 aprelya 2018 g. – URL: https://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/4788/Yakunina_MA_2018.pdf. (28.03.2021).

Gore ot ouma: A comedy. From the Russian of Griboiedoff / Translated by Nicolas Bernardaky <!\>. London: Simpkin, Marshall, & Co // McPhail's Edinburgh Ecclesiastical Journal (and literary review) & Literary Review. 1857. September. Edinburgh: Myles Macphail; Dublin: M'Glasban & Gill. Vol. XXIII. P. 88–100.

Gore ot Ouma: A Comedy from the Russian of Griboiedoff / Translated by Nicholas Bernardaky <!\>. Simpkin, Marshall, & Co // The Literary Gazette, and Journal of Archeology, Science, and Art. 1857. 17 October. P. 992–994.

Griboiedoff, A. S. Gore ot ouma / Translated by Nicholas Benardaky.– London: Simpkin, Marshall, & Co, 1857.– 134 p.